

Средневековый японский детектив

Сьюзан
Спэнн

УДАР КОШАЧЬЕЙ ЛАПОЙ

猫の手打ち

Иностранка. Преступление века!

Сьюзан Спэнн

Удар кошачьей лапой

«Азбука»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Спэнн С.

Удар кошачьей лапой / С. Спэнн — «Азбука»,
2013 — (Иностранка. Преступление века!)

ISBN 978-5-389-35591-0

Киото, XVI век. Когда в чайном доме «Сакура» зверски убивают самурая, у мастера боевых искусств Хиро Хаттори есть всего три дня, чтобы найти убийцу, иначе мстительный сын покойного казнит прекрасную гейшу, обвиненную в преступлении, а заодно и отца Матео, священника-миссионера, к которому Хиро приставлен телохранителем. Расследование погружает друзей в опасное закулисье карюкай — кварталов «красных фонарей», где они быстро узнают, что у каждого участника событий, от скрытной владелицы чайного дома до обнищавшего брата убитого, есть свои причины желать смерти самурая.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35591-0

© Спэнн С., 2013
© Азбука, 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сьюзан Спэнн

Удар кошачьей лапой

Susan Spann

CLAWS OF THE CAT

Copyright © Susan Spann, 2013

All rights reserved

Перевод с английского Натальи Власовой

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Научный редактор Анастасия Борисова

© Н. Н. Власова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. 000 «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

* * *

*Моей матери Пауле, которая всегда верила, что у меня получится,
и сыну Кристоферу, благодаря которому все и правда получилось*

Глава 1

Отец Матео неспешно прогуливался по узкому саду сложив руки и опустив взор в духовных размышлениях. Он горбился, стараясь согреться в предрассветной прохладе. Первые две недели мая в Киото выдались теплыми, но сегодня иезуиту казалось, что он поторопился переодеться в летнее кимоно.

В дальнем конце сада тень, не издав ни звука на фоне шелеста листьев под весенним ветерком, змеей скользнула через стену и укрылась в ветвях вишневого дерева.

Священник шел дальше, ничего не замечая.

Он миновал пруд с карпами, не взглянув на него: было еще слишком темно, чтобы разглядеть рыб. У задней стены сада иезуит перекрестился и опустился на колени перед распятием. Колени отца Матео погрузились во влажную землю, когда он с молитвой склонил голову.

Тень вскарабкалась выше по дереву. Мокрые от дождя листья и скользкая кора делали подъем опасным, но *синоби*¹ не дрогнул. Его руки и ноги находили опору там, где иной не смог бы и шагу ступить.

Над тропинкой между прудом с карпами и домом нависала ветка. Преследователь вытянулся вдоль нее и перемахнул на другую сторону тропинки, не сбив при этом ни единого листка.

И замер в ожидании.

Минуты текли одна за другой. На востоке небо порозовело с приближением зари.

В пруду из воды выпрыгнула рыба, и легкий всплеск прокатился по саду.

Губы священника беззвучно шевелились.

Синоби продолжал ждать. Его черные глаза сверкали в глубине капюшона.

Когда небо посветлело, отец Матео завершил утренние молитвы. Он поднялся, отряхнул прилипшие листья с коричневого кимоно и с неодобрением оглядел влажные пятна на коленях. Убедившись, что влагу не стереть, он лишь раздраженно пожал плечами, кивнул статуе и направился обратно к деревянному дому, который служил ему и жилищем, и храмом.

Дыхание *синоби* замедлилось настолько, что даже его темно-синяя куртка перестала шевелиться.

Отец Матео прошел мимо пруда, не останавливаясь. Едва он ступил под дерево, как преследователь спрыгнул на тропинку – тише, чем хруст обломанной ветки, – и положил узкую ладонь на плечо иезуита.

Тот с испуганным возгласом обернулся. Руки *синоби* взметнулись в защитной стойке, но лицо священника, сначала искаженное напряжением, тут же смягчилось, когда он узнал гостя.

– Хиро! – воскликнул отец Матео. – Сколько раз тебя просить так не делать?

Темные глаза весело сверкнули.

– Перестану в тот день, когда мне не удастся застать вас врасплох.

Иезуит нахмурился.

– Ты опять не ночевал дома?

Хиро отодвинул ткань, закрывавшую рот, и сбросил капюшон на плечи.

– Я не отвечаю на такие вопросы, помните? – Он засунул руку в мешок, прицепленный на пояс. – У меня для вас есть кое-что.

– Кроме сердечного приступа? – проворчал отец Матео.

Хиро с насмешливым прищуром приподнял бровь и вытащил маленький темный сверток. Внутри что-то шевелилось.

– Подарка, – сказал *синоби* на португальском.

¹ Другое название ниндзя – лазутчика и диверсанта в феодальной Японии. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Подарок, – поправил отец Матео. Португальский Хиро был поразительно хорош, учитывая, что он изучал язык всего полтора года. Японский священнику давался куда тяжелее, несмотря на два года изучения до приезда и полтора года жизни в Киото.

– Подарок, – повторил Хиро.

«Подарок» зашевелился и жалобно мяукнул.

Иезуит отступил на шаг.

– Это же кот!

– Кошка. Совсем маленькая. – Хиро перешел на японский. – Раз вы разговариваете с рыбами, я подумал, что она вам понравится.

Священник, следуя его примеру, тоже сменил язык.

– Где ты ее нашел?

– Котенка бросили у канала. Расцветка не лучшая, но вы утверждали, что не верите в удачу.

– Господь распоряжается моей судьбой, – подтвердил отец Матео, – но, какой бы ни была расцветка, я не могу оставить кошку. От шерсти я чихаю.

Хиро уставился на шевелящийся пушистый комок.

– Что же мне делать? Я не хочу, чтобы она умерла.

– Ты что, за одну ночь стал буддистом? – Иезуит усмехнулся собственной шутке.

– Вы знаете, что это не так. – Хиро нахмурился, глядя на котенка. – Ей нужен дом.

– Мне нельзя ее трогать, но она может остаться. Теперь это твоя кошка, если захочешь.

Котенок вертелся в руках японца и царапался. Тот прижал малышку к груди, чтобы усмирить. Кошечка издала приглушенный жалобный писк.

– Ты ее слишком крепко схватил, – заметил отец Матео.

– А она меня поцарапала, – возразил Хиро. – Я бы сказал, что мы квиты.

Наконец котенок начал мурлыкать, убрал когти и расслабился в руках Хиро. Тот посмотрел на крошечный комочек пестрой шерсти. Малышка щурилась на человека зеленовато-желтыми глазами, а на горле у нее белело пятнышко.

Громкий стук пронесся по воздуху. Он шел с улицы.

– Открывайте! – крикнул мужской голос. – Мне нужен иноземный священник!

– Кого вы на этот раз оскорбили? – Хиро насмешливо приподнял бровь, глядя на собеседника.

Тот направился к дому.

– Никого, насколько я помню, во всяком случае намеренно.

Лишь горстка иноземцев имела разрешение сёгуна жить и работать в японской столице. Многие самураи даже это ограниченное присутствие считали оскорбительным.

– По крайней мере, это не люди сёгуна Асикаги или императора. – Хиро последовал за иезуитом на деревянную веранду опоясывающую дом по периметру.

Друзья сбросили сандалии и поднялись на гладкий некрашеный настил.

– Откуда ты знаешь? – спросил отец Матео.

Хиро вошел внутрь вслед за священником.

– Император и сёгун не стучат.

Комната, служившая отцу Матео и спальней, и кабинетом, имела встроенную нишу для работы вместо письменного стола и вообще обходилась без западной мебели. Лишь распятие, укрепленное в *токонома* — декоративной нише, где обычно выставлялись предметы японского искусства, — указывало на иностранного обитателя. Хотя миссия иезуитов приобрела этот дом у местной семьи двумя годами ранее, весной 1563 года, отец Матео жил как японец и произвел в обстановке лишь минимальные изменения.

Отец Матео пересек комнату, раздвинул двери и шагнул в следующую комнату, центральную. Просторное помещение в сердце дома со встроенным очагом и татами на полу служило

любим целям – от гостиной до семейной комнаты и даже молельни. Отец Матео повернул направо, в сторону небольшой прихожей у входа в дом, и пригладил темно-каштановые волосы.

Потом оглянулся на Хиро, но тот уже исчез в своей комнате, которая через стену граничила с жилищем священника: *синоби* не мог показаться чужакам в наряде убийцы. Более того, посыльный сильно удивился бы, застав обитателей дома одетыми и на ногах в столь ранний час.

Отец Матео снова было потянулся к волосам, но поймал себя на этом и остановился. Повернувшись к створчатой двери у входа, он крикнул:

– Кто там?

Его португальский акцент часто заставлял людей замешкаться, но на этот раз мужской голос ответил сразу:

– Матео Авила де Сантуш? Вас ждут в чайном доме «Сакура».

Отец Матео открыл дверь.

– Так рано?

Посетитель был одет в простое кимоно, перехваченное на талии широким *поясом-оби*. У бедра висел кинжал, но меча не было. Коротко стриженные волосы редели на макушке, что не укрылось от иезуита, поскольку голова гостя едва доходила ему до груди.

Посыльный вздрогнул при виде иностранного священника, но пришел в себя быстрее большинства.

– Произошло убийство. Человек мертв.

– Жертва один из моих... учеников? – Отец Матео избегал термина «обращенные» в присутствии незнакомцев.

– Нет. Но убийца требует позвать вас.

– Убийца?

Посыльный кивнул:

– Саюри, *гэйко*².

Отец Матео отступил назад и покачал головой:

– Не может быть. Саюри неспособна на убийство.

– Однако она убила, да еще и самурая. Вам лучше поторопиться, если хотите ее увидеть.

– Она собирается совершить *сэппуку*³? – встревожился отец Матео.

– Вам лучше поторопиться, – повторил посыльный. – У нее мало времени.

Хиро вышел из своей комнаты в дымчато-сером шелковом кимоно и с парой клинков. Короткий меч *вакидзаси* свисал с *оби*, в то время как длинная катана торчала вверх острием сзади за поясом, и ее покрытые черным лаком бамбуковые ножны уходили далеко за спину. *Синоби* даже успел собрать длинные волосы в самурайский пучок: ни одна прядь не выбивалась.

Глаза посыльного в ужасе расширились при виде самурая. Он упал на землю, уткнувшись лбом в пыль.

– Вставай, – бросил Хиро, подходя к дверному проему. – Где находится чайный дом «Сакура»?

Посыльный поднялся и поклонился в пояс:

– Господин, он стоит на этой стороне реки Камо, на дороге Сидзё, к востоку от *Понтомё*⁴.

Третий дом от моста. Вы узнаете усадьбу по каменным статуям собак во дворе.

Хиро нахмурился.

– Я сам приведу священника. Свободен.

Посыльный поклонился еще дважды и поспешно удалился.

² Киотская версия обозначения гейши.

³ Ритуальное самоубийство через вспарывание живота.

⁴ Один из старейших и самых известных *ханамати* — «веселых кварталов», где проживают и работают *гэйко* и находятся чайные дома *отия*. На самом деле подобные кварталы сформировались только в начале XVII века, а женщины – *гэйко* появились в середине XVIII века.

– Мы могли бы пойти с ним, – возразил отец Матео, когда его товарищ закрыл створчатую дверь.

– Самураи не следуют за простолюдинами. – Хиро смерил священника взглядом с ног до головы. – Что важнее, вам следует сменить старое кимоно и прихватить мечи.

– Ты знаешь, я не люблю оружие, к тому же нам нужно спешить.

– Зачем я учил вас владеть мечами, если вы не хотите их носить? – *Синоби* покачал головой, удрученный упрямством подопечного. – Так или иначе, как вы верно подметили, нам надо поторопиться. Переоденьтесь и возьмите мечи.

– Почему это так важно?

– И вы еще спрашиваете после двух лет, проведенных в Японии?

Священник скрестил руки на груди.

Хиро указал на входную дверь:

– Вы видели, как он отреагировал на мое появление. Только самураи имеют право носить два меча и приказывать людям. Указ сёгуна даровал вам ранг самурая, и сегодня следует воспользоваться своим положением. Если упомянутая женщина в беде, вам понадобится оружие, чтобы спасти ее.

– Хватит и твоего, – заметил священник.

– Мне платят, чтобы защищать вас, – возразил Хиро. – Мой клан и я ничего не должны незнакомой девице.

«И у нас есть все основания позволить ей умереть, если это спасет вас», – подумал он, но вслух говорить не стал.

Глава 2

Хиро и отец Матео вышли из дома и направились на запад по узкой грунтовой дороге, ведущей к реке Камо. Священник был на три дюйма выше своего японского телохранителя, но преимущество шестифутового роста сводилось на нет нелепым видом катаны: длинный меч мотался за спиной иезуита, словно хвост перевозбужденной собаки.

Хиро покачал головой, сдерживая улыбку.

– Было бы легче, если бы вы практиковались носить мечи, вы же понимаете.

– Понимаю. Как понимал и в прошлые десять раз, когда ты мне это говорил. – Отец Матео улыбнулся, чтобы смягчить колкость.

Пройдя полмили, они миновали белые ворота-*тории*⁵ у общественного входа в святилище Окадзаки, отмечающие и охраняющие восточную границу Киото. У ворот одетая в белое синтоистская жрица продавала обереги. Она почтительно кивнула отцу Матео. Синтоизм признает множество божеств, и жрица не видела угрозы в христианстве.

Отец Матео ответил безмолвным приветствием. Он часто встречал эту женщину на дороге и, даже не разделяя ее верований, не питал к ней неприязни.

У реки спутники свернули на юг и пошли по грунтовой дороге, пролегающей вдоль восточного берега. Путь обрамляли вишневые деревья. Месяц назад лепестки с них опали, словно снег, но Хиро предпочитал апрельским цветам майскую листву: она лучше подходила для маскировки.

Мост через реку находился на улице Сандзё. Перейди они его, дорога привела бы их к Понтотё – извилистому переулку, соединяющему Сандзё с улицей Сидзё на юге. Чайные дома и веселые кварталы теснились вдоль узкого прохода, где едва ли могли разминуться три человека.

Хиро бросил взгляд на мост и город за ним. Он ненавидел район Понтотё. Теснота не беспокоила воина, а вот скопление женщин сомнительной репутации – еще как.

К востоку от реки улица Сандзё считалась обычным жилым районом. Ухоженные сады и деревья окружали дома. Как и обещал посыльный, у третьего здания слева стояли каменные собаки-стражи. Это было двухэтажное строение на высоком фундаменте с крутой остроконечной крышей. Длинные карнизы нависали над широкой верандой, опоясывающей дом, а гравийные дорожки вели к воротам с обеих сторон здания. Деревянные заборы скрывали внутренние дворы от посторонних глаз.

В тесном Понтотё не было места для частных садов. Впрочем, посетители чайных домов платили не за красивый пейзаж.

Отец Матео подошел к двери и постучал с привычной уверенностью, заставившей Хиро задуматься, сколько времени его набожный друг проводит в чайных.

Дверь распахнулась, и в проеме появилась женщина в парадном кимоно, расшитом темно-фиолетовыми цветами. Ее прическа и макияж выглядели безупречно, несмотря на ранний час, и, хотя худощавое лицо выдавало возраст, морщин не было видно под слоем пудры.

Она склонила голову в знак приветствия.

Отец Матео поклонился в ответ.

– Доброе утро, госпожа Маюри. Саюри посылала за мной?

Схожесть имен наводила на мысль о родстве: мать и дочь или же хозяйка и ученица. Хиро склонялся ко второму. Он с трудом мог представить себе кого-то менее подходящего для роли матери, чем эта высокая женщина в дверном проеме.

⁵ Ритуальные ворота в синтоистских святилищах, символически обозначающие переход от мирского к сакральному пространству. Традиционно окрашиваются в красный цвет, но встречаются и другие варианты.

Взгляд Маюри скользнул к Хиро, словно притянутый его мыслями. Самурай наклонил голову ровно настолько, чтобы соблюсти приличия, но недостаточно для выражения почтения.

– Я Мацуи Хиро, переводчик и писец отца Матео.

Вымышленная фамилия слетела с его губ естественно. Телохранитель пользовался ею так долго, что она ощущалась почти собственной.

– Я не видела вас здесь прежде, – произнесла Маюри.

Это не было ни вопросом, ни обвинением, но в то же время – и тем и другим.

– Прежние визиты господина касались только его религии, – пояснил Хиро, – но на этот раз он может столкнуться со словами, которых не поймет.

Маюри кивнула, но не поклонилась в ответ. Хиро решил простить эту бестактность. Хозяйки чайных домов стояли вне социальной иерархии, и хотя обычно они угождали мужчинам-гостям до подобострастия, нынешнее утро не было обычным, да и Хиро, строго говоря, не был гостем.

– Маюри владеет чайным домом «Сакура», – отметил отец Матео.

Его спутник не нуждался в объяснении. Успешные *гэйко* часто покупали или наследовали подобные заведения, выходя на покой, и хотя сейчас Маюри слишком состарилась, чтобы петь и танцевать для увеселения мужчин, в молодости она, несомненно, разбивала сердца и опустошала кошельки.

Хозяйка дома отступила от двери.

– Входите.

Кедровый пол в прихожей блестел, словно мед, под ее ступнями, обтянутыми носками. Хиро пожалел слугу, в чьи обязанности входит содержать дом в чистоте. Он снял свои *гэта*⁶ и ступил на приподнятый пол, но замер, пропуская отца Матео вперед.

Телохранитель старательно поддерживал впечатление, что священник заслуживает величайшего почтения и уважения, тогда как сам он – всего лишь писец низкого ранга. Первый и главный способ защиты для синоби – отвлечение внимания.

Пространство прихожей покрывали шесть татами. Большинство таких помещений не превышали размером четырех *татами*⁷, и дополнительное пространство создавало ощущение роскоши и свободы. У восточной стены стояла декоративная ширма с изображением торговцев и самураев, веселящихся с дамами. Хиро вдохнул аромат дорогого кедра, смешанный с чем-то едва уловимым и сладким, напоминающим о далеких цветущих садах.

Прямо и направо дверной проем открывался в центральный зал, но, прежде чем Маюри провела их дальше, отец Матео спросил:

– Неужели правда произошло убийство?

От такой прямоты хозяйка подняла подведенные брови. Хиро сделал вид, что ничего не заметил. Иезуит пытался вести себя как японец, но его западная натура всегда проявлялась в момент волнения. По крайней мере, он пока хотя бы не начал машинально приглаживать волосы.

Маюри сохраняла молчание достаточно долго, чтобы продемонстрировать свое неодобрение.

– Самурай мертв.

– Саюри наверняка не убивала его, – заявил отец Матео.

Отсутствие ответа говорило само за себя.

– Я не верю в это, – настаивал священник. – Могу я увидеть ее?

*Окаасан*⁸ склонила голову в знак согласия.

⁶ Традиционная японская обувь, сандалии на высокой деревянной подошве.

⁷ В японских домах площадь помещения измеряется в татами (1 татами – 1,62 м²).

⁸ Хозяйка увеселительного заведения.

– Следуйте за мной.

Она провела их в квадратный зал площадью в двенадцать татами. Раздвижные двери в восточной и западной стенах, по три с каждой стороны, вели в приватные комнаты, где женщины развлекали гостей. В отличие от проституток, которым нужно было лишь место для матраса-футона, настоящим *гэйко* требовалось пространство для пения и танцев, а также очаг для подачи еды и чая.

Дверь в северной стене была распахнута в еще одну комнату где работницы чайного дома собирались для трапез и бесед или ожидали прибытия гостей.

Хиро отвел взгляд. Воспитанные люди не пьются в частные помещения, к тому же он успел заметить, что там нет непосредственной угрозы.

Маюри опустилась на колени перед второй раздвижной дверью на западной стороне.

Пока она расправляла кимоно вокруг колен, отец Матео прошептал своему спутнику:

– Почему она становится на колени?

– Ни одна уважающая себя *гэйко* не откроет внутреннюю дверь стоя, – тихо ответил Хиро. – Разве Саюри не поступала так же?

– Я сказал ей, что христиане преклоняют колени только перед Богом.

Прежде чем самурай успел ответить, Маюри подняла взгляд.

– Саюри объяснит вам, что вы увидите, но будьте осторожны. Сцена может... потрясти вас.

– Вы еще не прибрались? – В голосе отца Матео прозвучала нота раздражения.

Хиро мысленно отметил, что нужно еще раз напомнить священнику о правилах этикета. Мертвым самураям нет дела до оскорблений и обвинений, но с живыми часто бывает иначе.

Маюри выпрямилась и подняла подбородок.

– Семья *Акэти-сама*⁹ имеет право увидеть, что произошло.

Напудренное лицо не выдавало никаких эмоций, но слова *окаасан* сказали Хиро больше, чем она предполагала. Владелицы чайных домов защищали своих *гэйко* точно так же, как самураи берегли свою честь. Отказ Маюри убрать место происхождения означал, что она считает девушку виновной.

Маюри устремила взгляд на мужчин. Она сложила руки, но Хиро успел заметить, что они дрожат.

– Чего вы ждете? – спросил телохранитель.

– Мы и прежде видели смерть, – добавил иезуит.

– Не такую, как эта, – возразила хозяйка и отодвинула дверь.

⁹ Обращение «сама» – высшая степень вежливости и почтения, тогда как «сан» – скорее формальность.

Глава 3

Изнутри повеяло запахом меди.

Отец Матео застыл в дверном проеме как вкопанный. Хиро резко остановился позади него, едва избежав столкновения. Заглянув через плечо священника, он только порадовался самурайской традиции, запрещающей эмоциональную реакцию на трагедию.

Потому что такую смерть Хиро видел и раньше.

Северная стена комнаты была испещрена пятнами и брызгами крови. Круглые капли усеивали *токонома* и стекали по стене с обеих сторон декоративной ниши.

Полумесяцем подсохшей крови пропитались и циновки перед *токонома*. Извилистый кровавый след тянулся от этого пятна к мертвому самураю, лежащему на спине на тонком матрасе у центрального очага. На трупе не было ничего, кроме пропитанной кровью набедренной повязки, прилипшей к телу.

Иезуит шагнул в дверь, и Хиро последовал за ним. Медный запах усилился; теперь в нем сквозили соленые нотки. *Синоби* осторожно вдохнул, но не уловил запаха пота. Покойный недолго сопротивлялся.

Рыжеватые капли забрызгали ноги самурая от бедер до колен. Множество рваных ран бороздили его изуродованное горло. Казалось, они начинаются с правой стороны примерно там, где шея переходит в плечо, и заканчиваются чуть левее уха самурая.

Три вертикальные колотые раны отметили грудь мертвого, напоминая следы ударов коротким тонким кинжалом. Металлический отблеск в центральной ране намекал на обломок клинка, но Хиро не мог разглядеть его достаточно хорошо, чтобы определить тип орудия. Он подавил желание подойти ближе. Большинство японцев считали смерть оскверняющей, и, хотя телохранитель не разделял суеверий, он не стал бы рисковать своей легендой ради удовлетворения любопытства.

Он поискал взглядом одежду самурая. Аккуратно сложенное синее кимоно и *оби* лежали на полу перед нишей, как раз под забрызганной кровью вазой с гортензиями на полке *токонома*. Кровавые капли на одежде указывали, что ее сложили до нападения.

Взгляд Хиро притянула ваза. Гортензии символизировали любовь и искренние чувства. Оставалось только гадать, успел ли самурай прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как его чувства были разбрызганы по стене. Количество крови и жестокие раны указывали, что смерть наступила быстро и неожиданно.

Миниатюрная девушка лет шестнадцати сидела на коленях справа от ниши. Руки покоились на коленях запачканного кровью кимоно, а лицо было склонено к полу. Вся поза выражала покорность, но прерывистое дыхание выдавало тайный страх.

Отец Матео опустился перед девушкой на колени. Она подняла взгляд, и ее гладкие губы задрожали. Она поспешно подняла руки, чтобы прикрыть рот: традиция позволяла ей проявлять больше эмоций, чем мужчине, но ненамного.

Следы слез прочертили дорожки на напудренных щеках, а вокруг глаз цвета ночи залегли темные тени, но Хиро редко попадались девушки прекраснее. На самом деле он знал лишь одну такую и обычно старался вовсе о ней не думать.

– Отец Матео. – Саюри вновь обрела самообладание и опустила руки. – Очень рада, что вы пришли. Я боялась, что вы откажете. Я не делала этого. Не убивала.

– Конечно нет, – успокоил ее отец Матео. – Что произошло?

Маюри продолжала сидеть на коленях у открытой двери, так что Хиро тоже остался стоять у входа. Он никогда не поворачивался спиной к потенциальным угрозам, а в данный момент угрозой мог стать каждый.

– Акэти-сан пришел в чайный дом, как обычно, – Саюри кивнула в сторону тела, не сводя глаз с отца Матео. – Я развлекала его несколько ночей в неделю – только пение, ужин и беседы, ничего из того, что вы запрещали.

– У нас заведение высшего класса, – фыркнула Маюри. – Веселые кварталы находятся в Понтотё.

Хиро искоса посмотрел на женщину. Священник мог истолковать ее слова как защиту Саюри, однако японец слышал лишь заботу о репутации чайного дома.

– Я пришел не осуждать вас, – возразил отец Матео, и Хиро знал, что он говорит искренне. Способность иезуита к доверию и прощению никогда не переставала поражать его телохранителя-саноби. Временами Хиро даже находил ее раздражающей.

– Акэти-сан задержался допоздна, – продолжила Саюри. – Большинство гостей уже разошлись по домам. Я устала и хотела лечь спать, но он не уходил. Я сказала, что мне нужно освежиться, однако он не понял намека, так что пришлось пойти к *окаасан* и попросить ее вмешаться. – Она посмотрела на дверной проем.

Сидящая там Маюри кивнула.

– Затем я пошла в отхожее место, – сказала Саюри. – Когда я вернулась, Акэти-сан заявил, что хочет остаться на ночь. Он был слишком пьян, чтобы ехать домой. Я пела ему, и он уснул. Должно быть, я тоже немного опьянела, потому что вскоре сама задремала. А когда проснулась, он был мертв. – Губы у девушки задрожали. Одинокaя слеза скатилась по щеке. Изящная правая рука поднялась, чтобы смахнуть слезу, и снова вернулась на колени.

Хиро невольно подумал, что сцена идеальна – слишком идеальна для правды.

– Твоей вины тут нет, – сказал отец Матео.

– Видимо, это был *синоби*, – предположила Маюри. – Я находилась в своей комнате всю ночь и ничего не слышала.

– *Синоби*, – повторил отец Матео. – Это то же самое, что ниндзя, да?

Маюри снисходительно посмотрела на священника и после очень долгой паузы заметила:

– Да, хотя только китаец произнес бы это слово таким образом.

Взгляд Хиро снова вернулся к телу. Намасленные волосы выбились из кожаной повязки. Седеющие пряди обрамляли лицо и разметались по полу. Телохранитель покачал головой. Даже мертвый самурай не заслуживал позора испорченной прически. Затем он заметил нечто похуже: убийца выколол жертве глаза. Пустые глазницы покрылись запекшейся кровью.

Хиро видел много трупов, но такое встречал впервые.

Он очень внимательно осмотрел тело и снова заметил блеск отполированного металла в груди покойного. На этот раз он решил рассмотреть находку поближе. Сделав вид, что кашляет, Хиро поднес руку к животу.

– Прошу прощения. Можно мне выйти на воздух?

Маюри нахмурилась, когда он направился через комнату к раздвижной двери на веранду.

– Ничего не трогайте, – резко предупредила она. – Я не хочу, чтобы обстановку нарушили.

Хиро задался вопросом, лжет ли она или просто не понимает, что тело уже перемещали.

Проходя мимо, он как следует разглядел раны на груди самурая. Засохшая кровь скрывала повреждения, но параллельные разрезы казались одинаковыми по ширине и почти, хоть и не совсем, равноудаленными друг от друга, словно следы тигриных когтей. В центральной ране поблескивал осколок металла. Как и предполагал Хиро, клинок убийцы сломался.

Больше он ничего не успел заметить, поскольку достиг двери. Отодвинув ее, он вышел наружу. Над верандой нависали длинные соломенные карнизы, поддерживаемые круглыми столбами через равные расстояния по краю настила. За верандой простирался узкий сад с вишневыми деревьями. Под ними цвели декоративные клумбы. Между цветниками стояли гра-

нитные фонари и черная каменная статуя Будды. Округлый живот божества покрывал ярко-зеленый мох.

Помимо разбросанных по траве листьев, скорее всего сбитых прошедшей ночью короткой, но сильной грозой, Хиро не увидел в саду никаких следов беспорядка. На траве не было отпечатков ног, а редкие поломанные цветы явно пригнуло к земле ливнем. На веранде тоже не осталось кровавых следов.

Телохранитель и не ожидал их увидеть. Следы в комнате обрывались у двери, причем последние отпечатки располагались параллельно. Тот, кто их оставил, остановился, чтобы надеть обувь или, по крайней мере, снять окровавленные носки. На этом следы заканчивались.

Справа за торцом чайного дома выступало небольшое прямоугольное строение. Хиро подошел к краю веранды и заглянул за карниз. У отдельно стоящего домика была соломенная крыша, на узком торце виднелась открытая дверь.

Фонари у входа и решетчатые окна под крышей указывали, что это отхожее место. Пара старых вишневых деревьев росла между уборной и садовой стеной, отделяющей «Сакуру» от соседней усадьбы. Более высокое дерево достигало почти тридцати футов, а меньшее было всего на три-четыре фута ниже. Они тянулись над стеной к соседнему дому, словно гигантские воры, решившие обчистить карманы соседей.

Хиро вернулся с веранды и заглянул в комнату. Дверь в зал была закрыта, Маюри осталась за ней. Отец Матео стоял на коленях рядом с Саюри. Их головы были склонены в молитве.

Когда Хиро переступил порог, сквозь стены донесся мужской крик. Он шел из передней части чайного дома, гневный и требовательный. Телохранитель поспешил встать между священником и внутренней дверью. Если он не ошибся в своих догадках, прибыл кто-то из родственников покойного.

Глава 4

Дверь с шумом отъехала в сторону. В комнату ворвался молодой самурай, сжимая рукоять катаны. Сделав два шага к очагу он в ужасе застыл.

Незнакомец был на полголовы ниже Хиро, с выбритой передней частью головы и длинными черными волосами, убранными в самурайский пучок. Очень юный, не более девятнадцати лет, стройный и с узким лицом, он носил тонкие усики, больше напоминающие тень над губой. На нем были широкие штаны *хакама*¹⁰, плечи покрывала накидка из яркого узорчатого шелка, а самоуверенная походка не соответствовала возрасту.

Его одежда и манера держаться указывали на *досина* — местного полицейского, прибывшего для расследования беспорядков.

Хиро задался вопросом, кто его вызвал. Хотя все полицейские были самураями, только простолюдины нуждались в помощи чиновников-магистратов и полиции. Семьи самураев вершили правосудие самостоятельно.

Нос у незнакомца покраснел. Румянец распространился до выбритого лба. Косичка дрожала, а рука сжимала меч. Взгляд юноши оставался прикованным к телу.

– Что здесь произошло? – выдохнул он.

Открыв для него дверь, Маюри так и не поднялась с колен, но склонила голову до пола, а когда снова выпрямилась, выглядела совсем растерявшейся и беззащитной. Страх растопил ее ледяную внешность, словно кипятик, пролитый на снег.

– Тысяча извинений, Акэти-сама, – пробормотала она, выказывая высочайшее уважение вошедшему. – Мы не... мы надеялись, что вы поймете... виноват убийца.

Самурай резко развернулся и указал на Маюри:

– Его убили в вашем чайном доме. Вы и виноваты. – Он повернулся к покойнику и опустился на колени. – Найдите, чем прикрыть тело моего отца.

Мысли Хиро пронзила тревога. Членство в киотской полиции обычно наследовалось: должность переходила от отца к сыну. Мертвый самурай означал серьезные неприятности для Саюри, однако мертвый полицейский означал неприятности для всех, особенно при наличии высокомерного сына-*досина*.

Он пожалел, что они с отцом Матео не пришли сюда позже. И вообще пожалел, что пришли.

Маюри снова поклонилась до пола, но не раньше, чем Хиро увидел в ее глазах ужас. Саюри поднялась и взяла кимоно покойного.

Досин резко повернул голову и рявкнул:

– Что ты делаешь?

Девушка застыла с широко раскрытыми глазами. Шелковое кимоно развернулось у нее в руках и поползло к полу. Она прижала его к груди, чтобы не уронить.

Глаза молодого человека наполнились непролитыми слезами, но кулаки у него были сжаты.

– Как ты смеешь осквернять кимоно отца, лапая его окровавленными руками!

Кимоно в любом случае было испорчено, однако Хиро подозревал, что сын покойного мыслит не совсем ясно. И на то были веские причины.

Хиро протянул руку за одеждой.

– Я сам накрою тело.

Молодой самурай моргнул, и его брови взлетели от удивления. Потом он снова нахмурился, заметив иностранного священника. *Досин* вскочил на ноги.

¹⁰ Традиционные длинные и широкие штаны в складку, напоминающие юбку.

Ростом он был едва ли выше Саюри, но ярость делала его визуально значительно крупнее.

– Кто вы такие? – потребовал он ответа. – Что вы здесь делаете?

Хиро поклонился.

– Я Мацуи Хиро, переводчик и писец. Это отец Матео Авила де Сантуш, служитель иностранной религии из Португалии.

Лицо молодого человека побагровело. Он резко повернулся к Маюри:

– Как вы смели допустить сюда иностранного дьявола! – Он перевел взгляд на Хиро, и его рука вновь легла на рукоять катаны: – Немедленно уведите его, пока я не отсеку ему голову.

Телохранитель понимал, что юноша переводит горе в ярость и им грозит вспышка этой ярости. Оставаясь между самураем и священником, он взял кимоно у Саюри и накрыл им тело, стараясь не прикасаться к покойнику. Закончив, он сказал:

– Священник находится под защитой сёгуната. Асикага Ёситэру¹¹ лично пригласил его жить и работать в Киото.

– Это не дает ему права осквернять тело моего отца.

– Присутствие священника не оскверняет умерших, – возразил Хиро. – Он и вовсе не прикасался к вашему отцу. Он пришел утешить эту женщину которая разделяет его веру. – Хиро повернулся к своему подопечному и перешел на португальский: – Нам лучше уйти.

– Что вы сказали? – рявкнул самурай. – Говорите по-японски!

– Отец Матео неважно говорит на нашем языке. – Хиро надеялся, что священник подыграет ему. – Я сказал своему хозяину, что вы просите его уйти.

Молодой воин сузил глаза, глядя на Хиро. Его рука оставалась на рукояти меча, а сам он дрожал, словно кабан, готовящийся к атаке.

По конечностям *синоби* разлился адреналин, хотя он и держал руки по швам. Ему не хотелось убивать полицейского, если этого удастся избежать.

Отец Матео, казалось, не осознавал опасности.

– Я никуда не уйду, – заявил он по-португальски и кивнул в сторону Саюри: – Ей нужна наша помощь.

Телохранитель повернул голову ровно настолько, чтобы встретиться взглядом с иезуитом.

– Нам нужно уходить сейчас, немедленно.

– Тогда я беру Саюри с собой. – Священник поманил девушку и направился к двери.

Жест не требовал перевода.

– Стоять! – рявкнул *досин*.

Саюри замерла с открытым ртом и распахнутыми глазами.

Отец Матео глубоко вдохнул, но в последний момент, казалось, вспомнил, что плохо знает японский, закрыл рот и ничего не сказал.

– Девушка утверждает, что не убивала вашего отца, – сказал Хиро. – Нет причин держать ее здесь.

– Пожалуйста, Нобухидэ! – Слезы выступили на глазах Саюри, а костяшки побелели от того, как сильно она сжимала руки. – Не убивай меня.

Молодой самурай проигнорировал ее.

– Именно с этой женщиной мой отец проводил вечера. Ее кимоно испачкано его кровью, и я вижу на полу только женские следы. – Он указал на цепочку маленьких отпечатков, ведущих от задрапированного шелком тела к двери.

Хиро согласился, что следы выглядят женственными, но не был так скор в суждении. С другой стороны, это не его отец лежал бездыханный у очага.

Саюри рухнула на колени и склонила голову к полу.

¹¹ 13-й сёгун династии Асикага (1536–1565).

– Это была не я, – прошептала она. – Когда я проснулась, он был уже мертв.

Нобухидэ оглядел стену и окровавленный пол, словно пытаясь восстановить картину преступления.

– Я вижу следы в доме, но ни одного на веранде. Как убийца вошел незамеченным, а потом исчез? – Он извлек свою катану.

Мышцы Хиро напряглись, когда клинок с шуршанием выскользнул из ножен. Лишь годы тренировок позволили ему сохранить неподвижность.

– Я имею право отомстить за смерть моего отца, – провозгласил Нобухидэ, – во-первых, как его сын, и во-вторых, как *ёрики*, ответственный за Понтотё.

Хиро резко вдохнул. *Ёрики* были командирами полиции и помощниками магистратов, в подчинении у которых состояло до тридцати *досинов*.

– Пожалуйста, не надо! – умоляла Саюри.

Маюри наблюдала из дверного проема, немая, как каменные собаки, охраняющие ее чайный дом.

– Постойте, – вмешался отец Матео.

Нобухидэ обернулся.

– Вы сказали, он не говорит по-японски.

Рука Хиро двинулась к катане, но он подавил позыв обнажить оружие. До сих пор Нобухидэ угрожал только Саюри, и телохранителю все еще не хотелось убивать скорбящего человека. По крайней мере, при свидетелях.

Он сделал шаг к Нобухидэ.

– Я сказал, что он плохо говорит на нашем языке. Я не утверждал, что мой господин не понимает по-японски.

Молодой самурай держал катану на уровне пояса, левой рукой почти касаясь гарды, а правой – основания рукояти. Хиро узнал боевую стойку. Он также понимал, что вложение меча в ножны без пролития крови приносит самураю позор и потерю лица, а полицейские не выносили унижений.

Нужно было немедленно разрядить обстановку, иначе не миновать жертв.

– Мы должны что-то сделать, – сказал отец Матео по-португальски.

– Таков закон, – пожал плечами Хиро. – Он имеет право отомстить за отца.

– Саюри не убивала его отца, – возразил священник. – Ее смерть не восстановит справедливость.

– Говори по-японски, – прорычал Нобухидэ, поднимая меч, чтобы подчеркнуть угрозу.

Отец Матео шагнул между девушкой и самураем с уверенностью, выдающей либо невежество, либо безрассудство. Глаза у Нобухидэ расширились, и он на мгновение опустил меч. Священник велел Хиро:

– Переводи, – затем поклонился молодому самураю и продолжил по-португальски: – Досточтимый господин, я уважаю ваши обычаи и ваш закон, но эта женщина находится под защитой церкви, которая, в свою очередь, защищена сёгунатом. Сёгун Асикага предоставил моему предшественнику, Франциску Ксаверию¹², разрешение проживать в Киото и проповедовать нашу религию всем, кто желает ее принять. Эта женщина признала Иисуса Христа своим Господом и Спасителем. Она подчиняется как Божьей справедливости, так и японским законам.

Правая рука иезуита дернулась. На мгновение Хиро подумал, что он попытается пригладить волосы, но священник подавил нервный жест. Телохранитель с удовлетворением отметил его сдержанность. Он часто предупреждал отца Матео о важности самоконтроля для самурая.

¹² Он же Франциск Ксавье, или Хавьер (1506–1552) – первый католический миссионер в Японии.

Хиро как можно вежливее перевел слова, наблюдая за реакцией Нобухидэ. *Синоби* не стал бы убивать просто так, но без колебаний встал бы на защиту священника.

Нобухидэ усмехнулся.

– Она убийца. Ни по какому закону у нее нет прав.

– Христианка должна иметь возможность доказать свою невиновность, – настаивал священник, все еще на португальском. – Этого требует закон церкви.

Хиро подозревал, что иезуит блефует, но все равно перевел.

– Никогда такого не слышал, – процедил Нобухидэ, – и самураи не связаны вашими христианскими законами.

– Но Саюри связана, – возразил отец Матео, – как вы связаны кодексом Бусидо, который требует от самурая умерять правосудие милосердием.

Выслушав перевод, Нобухидэ отступил в удивлении и опустил кончик меча на несколько дюймов. Он с недоверием уставился на Хиро.

– Он не это сказал. Ты всё выдумал, чтобы помочь своему господину.

– Отец Матео изучает не только учение Христа, но и Бусидо, – возразил телохранитель, радуясь, что быстрый ум священника апеллировал к самурайской чести, а не только к религиозному закону.

– Как же она может доказать свою невиновность? – возмутился Нобухидэ. – Эта женщина – убийца.

– Она должна получить два дня, чтобы доказать обратное, – настаивал отец Матео. – Столько времени наш Господь провел во гробе, прежде чем доказал свою Божественность, воскреснув из мертвых. Это центральный догмат нашей веры. Неужели вы откажете Саюри в последнем религиозном обряде?

Закончив перевод, Хиро добавил от себя:

– Вы сможете с тем же успехом убить ее через два дня.

– Она сбежит. – Полицейский бросил на Саюри гневный взгляд.

Девушка оставалась на коленях, прижав лоб к полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.